

Когда Сугуру Гэто пришёл в себя, голова раскалывалась от дикой боли. Ему казалось, будто ещё вчера он всюду дурачился со своими одноклассниками, Сатору Годзё и Сёко Иэири. Но время летело беспощадно: теперь все трое дружно превратились в типичных корпоративных рабов. Сёко и Сугуру вечно ходили с тёмными кругами под глазами от бесконечного завала на работе, и лишь Сатору, спавший от силы часа три в сутки, умудрялся фонтанировать безумной энергией, без усталости носясь по всему миру ради изгнания проклятых духов.

Внезапное сообщение от приёмных дочерей едва не заставило его сердце остановиться. Пальцы тут же принялись лихорадочно набирать номер. Сугуру должен был лично убедиться, что девочки не вздумали сунуться следом за той тварью.

К счастью, Нанако и Мимико оказались достаточно сообразительными. Передав все сведения сотрудникам «Окна», они сразу же покинули опасную зону.

Гэто облегчённо выдохнул. Страх за близких на мгновение затмил разум, но теперь, успокоившись, он понимал: без крайней необходимости девочки ни за что не стали бы связываться с проклятием особого класса.

Вот только описание этого особого класса казалось до странности знакомым...

«Нет, бред. Сидзу ни за что не превратился бы в проклятие».

Они ведь с Сатору испробовали всё. Даже наложенное Проклятие любви Сатору Годзё не смогло заставить его вернуться в этот мир.

Но если кто-то пронюхал о Сидзу и решил состряпать фальшивку, чтобы выманить их с Сатору...

Лицо Сугуру потемнело от едва сдерживаемой ярости.

«...я лично сотру этих ублюдков в порошок».

Отнеся бенто для Юдзи Итадори и вернувшись, А-Эр призадумался. В прошлые дни, незаметно наблюдая за мальчиком, он слишком сосредоточился на его школьных буднях и совершенно упустил из виду одну немаловажную деталь — в этой школе расплодилось просто неприличное количество проклятых духов.

И как это понимать? Кажется, парень так и притягивает к себе всякую нечисть.

Хм...

Осенило! А-Эр мысленно хлопнул себя по лбу: почему бы просто не перебить всех этих тварей? Как раз и в его списке ежедневных заданий значился пункт об уничтожении проклятий.

Внезапный прилив решимости заставил его почувствовать себя невероятно легко, словно он превратился в парящий мыльный пузырь, переливающийся всеми цветами радуги. Окружающий мир вокруг будто мгновенно посветлел.

Он обязан это сделать. И сделает.

Ради такой цели не жалко даже снова умереть в облике проклятия.

Стоило представить, как растёт шкала безопасности Юдзи и капают заветные очки Системы, как А-Эр довольно замурлыкал под нос незамысловатый мотив. Эту колыбельную он когда-то пел маленькому Сатору Годзё, укладывая того спать.

Сатору тогда сразу успокаивался и послушно засыпал. Эх, до чего же ласковым ребёнком он был.

Под аккомпанемент этой детской, но в то же время жутковатой песенки А-Эр закружился в кровавом танце среди проклятий. Длинные полы традиционного кимоно должны были сковывать движения, но он двигался на удивление плавно и грациозно. Каждое касание его тонких пальцев заставляло духов разрываться изнутри. Тёмная, зловонная кровь брызгала во все стороны, оставляя на его чёрном шёлке причудливые фиолетовые узоры.

Слыша предсмертный визг угасающих тварей, он мягко улыбался, хотя на глаза невольно наворачивались слёзы.

«Бедняжки... Они ведь всего лишь порождения чужой злобы и страха, но даже им приходится испытывать ужас угасания и до последнего цепляться за жизнь. До чего же это печально».

И всё же ради безопасности Юдзи пощады не будет.

Когда-то люди без конца твердили, насколько безупречен и добр Сидзука Годзё, но сам А-Эр прекрасно знал: он просто делает то, что считает должным. Без лишних сомнений.

Стерев с лица смесь слёз и чужой крови, А-Эр проводил взглядом тающие в воздухе ошмётки духов и тихо прошептал:

— Встретимся в следующем воплощении.

С округой было покончено. Однако один вопрос не давал ему покоя: с какой стати в школе Юдзи собралось столько тварей?

Разумеется, в местах вроде школ, больниц или крупных офисов вечно кипят негативные эмоции, становясь отличной питательной средой для проклятий. Но здешняя концентрация выходила за рамки разумного. Словно их притягивал какой-то мощный невидимый магнит.

Пока А-Эр размышлял над этой загадкой, его внимание привлёк странный синеволосый ребёнок, который весело шёл вприпрыжку по противоположной стороне улицы.

Кто это?..

Махито, едва успев появиться на свет, безмятежно бродил по городским переулкам в поисках очередной забавы.

Его распирало от любопытства к окружающему миру — совсем как новорождённого младенца, жаждущего поскорее прощупать все грани этого состоящего из плоти и крови измерения.

Будучи проклятием, рождённым из взаимной ненависти и страха людей друг к другу, Махито обладал завидным интеллектом и коварством, несвойственным обычным бездумным духам. Инстинкт самосохранения подсказывал ему не нагнеть. Не стоило похищать кого попало посреди бела дня, иначе на хвост быстро сядут назойливые маги, а он ещё даже не вошёл в полную силу.

Действовать следовало аккуратно: выбирать безлюдные закоулки и одиноких прохожих. Прямо как те самые маньяки из человеческих хроник.

Наконец высмотрев подходящую жертву, он радостно потянулся к ней, готовый применить свою врождённую технику, но дорогу ему внезапно преградила чья-то рука.

Махито проследил взглядом от запястья в плотной чёрной перчатке вверх и упёрся в скрытую вуалью фигуру. Неужели перед ним проклятие особого класса?

От незнакомца исходила безумная, противоестественная аура, сочетающая в себе черты человека и чудовища. Это одновременно восхищало и вызывало омерзение.

Но куда интереснее было другое: сколько же собратьев успел прикончить этот тип? На нём висел такой густой шлейф из чужих эманаций, что становилось не по себе.

Шаман? Или всё-таки проклятие? Кто он такой?

Пока они буравили друг друга взглядами, намеченная жертва успела благополучно скрыться из виду. Махито не стал её преследовать — любопытство взяло верх, и он без лишних раздумий

протянул руку к загадочному сопернику.

Но ничего не произошло.

Техника не сработала ни в первый раз, когда его перехватили, ни сейчас.

— Интересно... Почему на тебя не действует моя техника?

Его «Праздное преображение» позволяло изменять форму чужих душ одним лишь прикосновением. До этого момента осечек не случалось.

Таинственный незнакомец, внимательно изучавший Махито, на секунду задумался, а затем с тихой усмешкой ответил:

— Вероятно, на мою душу давно наложены чужие права. Тебе её просто не забрать.

— Ого, звучит заманчиво! Жутко хочется на это взглянуть, — задорно рассмеялся Махито.

Сквозь плотную ткань вуали невозможно было разглядеть чужое лицо, но Махито кожей почувствовал, как собеседник мягко улыбнулся в ответ.

Впрочем, законы мира проклятий просты и суровы: слабый всегда подчиняется сильному. Здесь не место долгим разговорам.

Они сошлись в молниеносной, жестокой схватке за право доминирования, но финал наступил на удивление быстро.

Когда Махито пришёл в себя, он уже лежал в пыли, беспомощно содрогаясь всем телом от сковавшей его судороги. Смерть дышала ему прямо в лицо.

Окутанный тьмой силуэт опустился перед ним на корточки. На фоне Махито, чей облик сейчас напоминал восьмилетнего ребёнка, этот дух казался невероятно огромным. Его длинные чёрные волосы зловещей паутиной струились к земле, источая едва уловимый, но глубокий аромат сосновой хвои. Запах шёл будто из самой глубины его существа, пропитывая каждую клеточку тела. В этой свежести таилось нечто дурманящее — так действует яд паука, парализующий жертву перед тем, как высосать её досуха.

Махито чувствовал себя пойманной в капкан дичью. С трудом приподняв голову, он сумел разглядеть сквозь тонкое кружево вуали глаза — чистые, серебристо-белые, сияющие неземной красотой. Подобный взор никак не мог принадлежать злобному монстру, и всё же в нём сквозил истинно нечеловеческий холод.

— И всё-таки оставлять тебя здесь одного нельзя, — донёсся тихий, вкрадчивый голос. — Пойдём со мной. Ты ведь будешь послушным малым, верно?

Сопротивляться было выше его сил.

Сама мысль о побеге казалась кошунственной. Махито мог лишь безвольно замереть, беззащитно подставляя шею в знак полного подчинения.

— Буду... — едва слышно выдавил он.

Для самого А-Эр, конечно, вся эта сцена выглядела совершенно иначе.

Ему просто повстречался невоспитанный ребёнок, которого следовало как следует наставить на ум. Бросать сироту на произвол судьбы не позволяла совесть, так что он решил присмотреть за ним.

Что же до пущенных в ход кулаков... Что поделать, ведь перед ним был проклятый дух. А-Эр не питал иллюзий, будто одними уговорами можно усмирить чудовище. Приходилось действовать доходчиво. Да и сейчас он прекрасно понимал: этот волчонок притих лишь временно. Стоит ослабить хватку, и он с радостью вцепится спасителю в глотку.

Проклятия — существа на удивление предсказуемые и прямолинейные в своей злобе.

Зачищая улицы, А-Эр не только заботился о покое Юдзи Итадори и закрывал ежедневные квесты Системы, но и постепенно привыкал к новому телу. Недавняя резня в школьных коридорах помогла ему до конца разобраться в сути собственной техники — «Поглощение чужой жизни», которую точнее было бы назвать «Перераспределением урона».

Суть её была проста: он мог забирать себе чужие раны и боль, а затем высвобождать накопленный ущерб в виде чистой проклятой энергии, направляя её либо на сокрушительную атаку, либо на исцеление.

Правда, ограничений хватало с лихвой. Пусть в теории он мог впитывать повреждения бесконечно, предел прочности его физической оболочки никто не отменял. Кроме того, процесс преобразования требовал колоссальных затрат энергии, причём на залечивание ран уходило в три, а то и в пять раз больше сил, чем на простое нанесение удара, в зависимости от тяжести увечий.

С этим приходилось мириться. Разбить зеркало — дело секунды, а вот собрать и склеить мельчайшие осколки воедино — ювелирный труд. Чем сильнее разрушения, тем сложнее восстановление. Но пока в теле теплилась хотя бы искра жизни, при должном запасе энергии он мог вытащить любого буквально с того света.

Был и ещё один минус: и для удара, и для лечения требовался непосредственный тактильный контакт. Без прикосновения магия не работала. К тому же нынешнее тело, в отличие от прежней оболочки Кадзумы Арааки, оказалось на редкость хилым. Единственным плюсом был огромный запас живучести, который после превращения в проклятие вырос вдвое.

Поэтому в бою А-Эр предпочитал действовать наверняка: бить из всех сил с первого же мгновения, ломая врагу кости, чтобы у того даже мысли не возникло дать дёру.

Крепко держа Махито за руку, А-Эр неторопливо шёл по городу, мимоходом аннигилируя попадавшихся на пути мелких духов и мягко, сокрушаясь о неудобствах, разъяснял спутнику особенности своей силы.

— И ты вот так запросто выкладываешь мне все свои слабости? Не боишься, что я воспользуюсь этим, сбегу или прирежу тебя при случае? — с весёлым прищуром спросил Махито, так и норовя прощупать границы дозволенного.

— Ну, сейчас-то ты точно не сможешь меня убить, — с кроткой улыбкой возразил А-Эр.

Урок вежливости, который он только что преподавал мальчишке, засел глубоко в подсознании: даже если разум Махито жаждал мести, избитое тело покорно сжималось в комок. Да и его хвалёное преображение душ здесь было бесполезно. А-Эр резонно рассудил, что шила в мешке не утаишь — парень всё равно рано или поздно раскусит его тактику. Так почему бы не сыграть на опережение и не укрепить доверие откровенностью?

— Ух ты, ну и каша у тебя в голове! — Махито так и покатился со смеху. — Бьюсь об заклад, даже среди людей ты слыл редкостным психом с кучей ментальных проблем!

— О как. А я думал, ты сравнишь меня с другими проклятиями.

— Смейся? Мои знакомые духи — ребята простые и понятные. А вот людишки... Они в сто крат омерзительнее и изощрённее в своём безумии.

Стирая с щеки очередную порцию липкой жижи, А-Эр мысленно отметил:

«И всё-таки он совсем зелёный. Каким бы хитрым ни притворялся, разговорить его — пара пустяков».

Судя по оговорке Махито, где-то неподалёку ошивались другие разумные проклятия. И, судя по всему, тоже особого класса. Причём целая банда.

Прежде А-Эр сталкивался лишь с безмозглой нечистью, неспособной связать и двух слов. Та человекоподобная собака, которую встретил Юдзи, уже казалась невероятной аномалией.

А теперь разумные монстры сыпались один за другим, будто зазывалы с рекламными буклетами на оживлённом перекрёстке Сибуи.

Примечательно, что Махито, несмотря на сквозившее в каждом слове высокомерие и превосходство, явно считал тех тварей своими соратниками. Жаль. Пытать его расспросами дальше бесполезно — больше он ничего не выдаст.

Какая досада.

Ясно одно: возвращаться с этим найдёнышем в дом Итадори нельзя. Придётся держаться особняком. Чудовищам не место рядом с обычными людьми. И всё же Юдзи обладал на редкость притягательной аурой классического протагониста из подростковой манги — вечно влипал в неприятности планетарного масштаба. Так что уходить далеко не стоило, иначе в случае беды он просто не успеет прийти на помощь.

Даже если не брать в расчёт то странное, почти родственное тепло, что он испытывал к этому доброму мальчишке, факт оставался фактом: Юдзи приютил его, когда ему некуда было податься. А-Эр привык платить по долгам.

— Слушай, раз уж ты так печёшься о безопасности этого своего ненаглядного мальчишки, зачем тогда пощадил меня? Неужто думаешь, будто я его не трону? — Махито с искренним любопытством захлопал разноцветными глазами.

— С чего такие глупые выводы? Поверить в миролюбие проклятия — это всё равно что поверить, будто под кроватями детей не водятся монстры, — отозвался А-Эр.

— Ха-ха-ха! И то верно. И всё-таки ты меня не убил. Почему?

— Да я и сам, если честно, не знаю...

С одной стороны, ему хотелось использовать мелкого как приманку для остальных разумных тварей. С другой — рука почему-то не поднималась раздавить это едва зародившееся существо, принявшее облик невинного ребёнка.

Разумеется, когда пройдёт час и на кону окажется чья-то жизнь, А-Эр без колебаний сделает свой выбор.

В отличие от вечно сомневающегося Кадзумы Арааки, Сидзука Годзё умел быть беспощадным, если того требовал долг.

**[Твоя решимость поражает. Ты готов пойти на любые жертвы ради своей цели, даже если придётся стереть в порошок собственное «я». Однако твоя ментальная стабильность трещит по швам. Любой мало-мальски грамотный психиатр давно бы диагностировал у тебя расслоение

личности]**

Проигнорировав выпад Системы, А-Эр крепче сжал исчерченную мелкими шрамами детскую ладонь и мягко произнёс:

— Надеюсь, мы поладим, Махито.

Глядя на его кроткую улыбку, Махито невольно вспомнил одного скользкого типа — того самого сектантского шамана, который совсем недавно предлагал им взаимовыгодный союз.

«... Знаешь, ты как раз из тех людей, которых твой дражайший братец терпеть не может, но и бросить на произвол судьбы не в силах. Как же это чудесно! Ох, как бы мне хотелось, как в старые добрые времена, крутиться возле него... Да только всё без толку. Если уж этот упрямец вбил себе что-то в голову, он пойдёт до конца по трупам. И плевать ему на чувства тех, кого он оставил позади...»

Тот интриган без умолку трещал о выгоде общего дела, но сквозь его сладкие речи так и сочилась — а может, он просто перестал её прятать — удушающая, липкая зависть. Истинно человеческое проклятие, которое эти глупые создания упорно именовали любовью.

«Ступай к нему, — вкрадчиво шептал тогда шаман. — Но помни: держись поближе и ни за что не взрослей. Прикинься невинным дитятей, иначе он без лишних разговоров снесёт тебе голову».

Ох уж эти люди... До чего же они отвратительны и в то же время невероятно забавны!

— И я рад знакомству! — Махито осклабился в ответной, точь-в-точь такой же притворно-милой улыбке.

«Что ж, повесели меня как следует. Покажи, на что ты способен».

<http://bllate.org/book/18335/1760477>